

Помочь подобрать корзину — пустяк, мелкий эпизод, и Чжун Мин быстро снова оказался на лодке семьи второй тётки. Снял с плеча бамбуковое коромысло, нагнулся и начал выгружать в трюм медуз, аккуратно перекладывая уже очищенные части.

Работал он молча, но вдруг ощутил на себе взгляд. Прекратил движение, поднял голову — и точно: вторая тётка и её муж, оба с полуулыбками, откровенно на него уставились.

Он чуть не выронил очередную порцию медузой кожи, поспешно поймал скользкую массу и пробормотал:

— Что тут у вас?

Обернулся, огляделся, потом снова повернулся к ним:

— Смотрите, будто у меня на спине нож растёт — аж мурашки по коже.

Чжун Чунься, усмехнувшись, кинула ему под ноги целую медузью голову:

— Что, спрашиваешь? Я как раз хотела сказать: ты, мальчишка, гляжу, и правда за ум взялся — наконец-то до тебя дошло! Не думай, будто мы с твоим дядей ничего не заметили. Видели мы, как ты вон там с тем гером говорил. Далековато, конечно, чтобы разобрать, кто он и чьей семьи, но вы с ним долго стояли, болтали — а ты, главное, и виду не подал. Ни слова, ни объяснения.

Чжун Мин на мгновение замер, сообразив, в чём дело: они с дядей явно всё поняли превратно.

— Кто там с ним «долго разговаривал»? — вздохнул он. — Я просто увидел, что его прибило волной, корзина чуть не уплыла, — вот и помог. Мимо проходил, вот и всё.

Но Чжун Чунься только прищурилась — очевидно, ни капли не поверила:

— Я же тебя знаю. Ты ж с детства — нос выше лба, и на девушек, и на геров, хоть и пригожих, никогда не глядишь. А тут вдруг — «просто помог»? Так, по пути? Да ну.

Чжун Мин развёл руками. Ему и правда нечего было сказать.

— Да что тут такого? — отмахнулся Чжун Мин. — Этого гера, вторая тётка, ты точно знаешь. Это племянник Лю Ланьцао, тётки из семьи Лу. Я как глянул — ростом маленький, на вид совсем юнец. Что между мной и им может быть?

— Ерунду не городи, — устало оборвала его Чжун Чунься, в голове уже соединив всё в единое.

Услышав, о ком речь, она только застонала про себя — голова сразу заболела.

— Ты же каждый день носишься, только глаза открыл — уже бежишь, про людей в деревне, про всё, что тут происходит, понятия не имеешь. Люди ведь смеяться будут, если узнают, какие у тебя представления. Что значит, «совсем юнец»... А между прочим, ему уже семнадцать, твой ровесник.

Она продолжила, уже не глядя на него:

— Ты что, забыл его совсем? Это ведь и есть тот самый мальчишка из семьи Су — тот, что родился с лишним пальцем, которого звали Су И. Лет десять назад оба его отца утонули в море, и семья Су, решив, что шестой палец — к несчастью, мол, звезда катастрофы, губит родных, взяла да и отказалась от него. Сначала спихнули одним, потом другим, и в конце концов отдали семье его дяди по матери. Пообещали, мол, будут доплачивать — зерно и рис каждый месяц, будто бы за его содержание. Семья Лу на это и согласилась. А потом и дядя помер — два года назад.

На этих словах рука Чжун Мина, поднимавшая очередной кусок улова, на миг замерла. И только через пару секунд он медленно кивнул, будто вспоминая.

— Так вот оно как. Это он... неудивительно теперь.

Человек с такой судьбой — конечно, он знал о нём. Но, как и сказала вторая тётя, за последние годы его мысли были далеко от дома. Даже если и слышал про это вскользь — всё проходило мимо ушей, не задерживаясь.

Теперь, когда всё это вновь всплыло, воспоминания потянулись одно за другим.

Тот самый гер из семьи Су, Су И, с самого рождения нес на себе клеймо — шестой палец на руке. А у людей моря примет хватало, и всякое «необычное» тут же объявлялось недобрым знаком. Так и прицепилось к нему прозвище «звезда несчастья». Да ещё и заговорил он поздно — в то время как другие дети уже в два года звали мам и пап, он до трёх-четырёх только мычал. А деревенские проказники, нахватавшись дури от взрослых, дразнили его «немым», плевались в него, бросали камни и ракушки.

Сперва-то все эти разговоры казались праздною болтовнёй — но кто бы мог подумать, что, едва ему исполнилось пять, один за другим погибли и его отец, и второй отец. Один погиб в море, его, говорили, разорвала акула — до берега дошли лишь лохмотья одежды. А другой, младший, работал тем днём на барже, шедшей следом за рыбацкой лодкой. Увидел изуродованное тело своего мужа — с той поры умом помутился, стал бродить, не узнавая никого. И в один из дождливых дней просто шагнул в море. Уже мёртвым его выловили из воды.

Две смерти подряд — и Су И стал обузой, от которой спешили избавиться. Родные дед и бабушка отвернулись, дяди и тётки смотреть не стали. Он, не успев дорасти до взрослого пояса, сам на

берегу искал еду — отбирал рыбёшек у морских птиц, ел морские водоросли, прямо с камней выковыривал мясо из ракушек, пока пальцы не начинали кровоточить. И только то, что родился он у моря, спасло его — тут, с руками и ртом, не так-то просто умереть от голода. В другом месте давно бы пропал.

В те времена отец Чжун Мина, Чжун Лаода, с женой были ещё живы, младший брат Чжун Хань даже не родился. Чжун Мин смутно помнил, как они говорили об этом за ужином — и как отец тогда в сердцах сказал:

— Если кто посмеет обидеть моего сына, когда меня не станет — даже если стану призраком, вытащу гада в море и скормлю рыбам!

Едва эти слова слетели с уст, как мать шлёпнула отца по плечу:

— За столом сидим, а он такие мрачные речи разводит! Потом ступай к Морской Богине, поставь благовония, попроси прощения!

Чжун Лаода, усмехнувшись, отмахнулся, да ещё и сына к себе подтянул, взъерошив ему волосы:

— Ты только глянь, всё ж у тебя судьба хорошая!

Чжун Мин тогда и сам подумал: да, ему действительно повезло.

Хотя в прошлой жизни он шаг за шагом всё испортил, в итоге всё же получил шанс начать сначала. Может, и правда родители смотрят на него с небес, и вся их честная, добрая жизнь вознаграждена — теперь уже через него.

— Говоришь, мол, и не думал о том гере, а сам чуть заикнулся — сразу в ступор встал. — Чжун Чунься покачала головой, подошла ближе и, забрав у него корзину, разровняла в ней медуз, а потом ещё две горсти подкинула сверху. Она, в отличие от других, никогда не верила в чепуху вроде “шестой палец приносит беду”. Считала, что просто парню не повезло, а у соседей язык без костей — вот и выдумали, во что поверить. По правде говоря, сирот на воде и так полным-полно. Что же, все они якобы сгубили своих родителей? На берегу вдов и вдовцов — не сосчитать. Что же, и они все “виноваты” в смерти своих супругов?

Если с таких позиций смотреть, то и они пятеро — сироты. Их же тоже мать с отцом рано покинули. Что ж теперь — сказать, что их родители они сами “сгубили”? А её старший брат и невестка? Тоже “сгублены” её племянниками — Чжун Мином и Чжун Ханем?

Вот и выходит — если бы на месте была другая женщина, да увидела бы, как её сынок водится с Су И, тут же в панике понеслась бы к морскому алтарю, ставить благовония и просить защиты. А Чжун Чунься на всё смотрела иначе — наоборот, порадовалась: наконец-то её

племянник начал проявлять чувства, оказался не черствым. Увидел, что геру трудно — и помог, не прошёл мимо.

А то она уже всерьёз начала опасаться — не останется ли племянник её закоренелым холостяком до тридцати лет, и не доведётся ли ему, в конце концов, пойти приживалом к вдове, которую и саму, пожалуй, подобный жених не обрадует. Что ни говори, а жизнь холостяка в этом возрасте — удел не из завидных, и в глазах людей, и в собственном доме.

К счастью, она женщина с ясной головой и здравым взглядом на вещи.

Сегодняшний улов особенно радовал: медузы попадались одна к одной — крупные, мясистые, каждая как на подбор. Не удивительно, что и настроение у неё было приподнятое.

— Вот и хорошо, что нынче погода держится, — заметила она, — надо пользоваться случаем и выходить ещё хотя бы пару раз. Пусть уж эта неделя даст нам запас на чёрный день.

Сейчас шёл июнь — сезон сбора медуз, но вместе с тем и время приближения тайфунов. Стоит шторму налететь — и про выход в море можно забыть на дни, если не на недели.

Жизнь людей на воде зависела от неба. Те, кто обитал на суше, могли рассчитывать хотя бы на скудный урожай: земля, как ни крути, хоть на кашу зерна даст. А тем, кто кормится с моря, оставалось одно — ждать, когда стихия утихнет. Не вышел в море — считай, остался голодным.

Тан Дацянь, слушая её, одобрительно кивнул:

— Словно с языка сняла. Не представляешь, сколько их сегодня в воде — медузы, точно как народ на базаре, одна за другой, целыми стаями.

Сказав это, он хлопнул себя по бедру и спохватился:

— Ах ты ж! Всё с этими медузами закрутился, совсем забыл показать тебе редкостную находку, которую твой племянник со дна достал!

И вот, спустя мгновение, Чжун Чунься с изумлением и восторгом разглядывала ту самую громадную раковину цзяньяо. Только теперь вспомнили о ней — раньше Тан Дацянь, чтобы не привлекать лишних глаз, прикрыл её рыболовной сетью в углу лодки.

Женщина не сразу оторвалась от созерцания: чем дольше смотрела, тем шире становилась её улыбка.

— С такой находкой нельзя медлить — надо как можно скорее везти в уезд и продать, — сказала она с довольным видом. — А перед тем вынести на берег, пусть все наши дети

посмотрят, чтоб запомнили — не каждый день такое увидишь.

Чжун Мин кивнул:

— Я тоже так подумал. Всё остальное — продадим, а вот морских ежей и улиток оставим, сами съедем.

После сбора, варки и засолки всех медуз, что успели выловить за сегодняшний выход, почти настал полдень. Закончив дела и наскоро перекусив, Чжун Мин без промедления собрал морской улов, добытый во время погружения, и на лодочке поперёк залива отправился в уездный посёлок Цинпу.

Цинпу подчинялся округу Цзююэ, и некогда славился своим жемчужным прудом, имя которого гремело по всей стране. В эпоху прежней династии в этом пруду добывали жемчуг: ровной округлой формы, с блестящей, гладкой поверхностью. Среди них попадались экземпляры исключительного качества — южный жемчуг, «нанчжу», — который подносили во дворец как дань, использовали при инкрустации парадных венцов для императора и императрицы.

Но хорошее не вечно: предыдущая династия была недолговечной, а её последний император — распутным и слабовольным. Слеплённый жаждой удовольствий, он повелевал неустанно собирать жемчуг круглый год. Чиновники, жаждущие его благосклонности, не знали меры, и в итоге чуть было не истребили всё жемчужное поголовье в пруду подчистую. Говорили, что к концу той эпохи раковины давали жемчуг не крупнее дробинки, кривой, тусклый, словно сморщенный финик, — негодный ни на что.

Когда же династия пала, в стране началась великая смута. Повсюду вспыхивали восстания, повсеместно царил хаос — кому тогда было дело до какой-то глухой деревушки с запущенным прудом?

Так жемчужный пруд получил передышку. Он пришёл в себя лишь при основателе нынешней династии, когда страна обрела нового владыку, а беспорядки улеглись. Постепенно жемчуг вновь стал достойным, и забытая на десятки лет деревня Цинпу обрела вторую жизнь — с возрождением и восстановлением местного промысла по добыче жемчуга.

Нынешняя династия извлекла уроки из истории и, чтобы не допустить прежнего варварского истребления, наподобие «вылавливать рыбу, осушив озеро», ввела строжайший контроль за государственными жемчужными прудами. Без внесения в специальный реестр никому не позволялось заниматься добычей жемчуга, а за нелегальный промысел, если объем был велик, полагалось суровое наказание. Хотя смертную казнь зачастую заменяли, от тяжелых каторг и клейма было не уйти.

Именно по этой причине в прошлой жизни Чжун Мин погубил себя — из-за нескольких крошечных жемчужин скитался по чужим краям и в итоге умер вдали от родного дома.

...

То, что было, — осталось в прошлом.

Теперь, стоя снова на пристани Цинпу, Чжун Мин уже не носил в голове легкомысленных мыслей прежних лет. Он думал только об одном — как продать товар и выручить как можно больше. В нынешнем положении всё его хозяйство едва наскребало на один единственный лян серебра. Всё прочее прежний он промотал по-пустому — сам уж и не вспомнит, куда и на что. О женитьбе и говорить не приходилось: если вдруг в скором времени море станет штормить и не даст выйти в плавание, то они даже живот не набьют, не говоря уж о весенних податях и поборах.

После полудня на уездном рынке было уже не таклюдно, как с утра: многие торговцы распродали свой товар и свернули лавки. Чжун Мин отсчитал пять вэней в качестве пошлины за место, выбрал уголок поспокойнее, скинул с плеча коромысло и аккуратно разложил товар: огромную раковину цзяньяо, рыбу «морская свинья», абалонов и крабов.

Но и этого хватило, чтобы привлечь к себе толпу. Едва он расставил улов, как перед прилавком уже сбилось с дюжину зевак, наперебой расспрашивавших то о том, то о другом — у него даже голова закружилась от шума.

На первый взгляд и так было ясно: большая часть собралась просто поглазеть — таких обычно хлебом не корми, дай только поболтать. По-настоящему при деньгах было от силы двое-трое.

Чжун Мин выждал, пока голоса поутихли, и специально повысил голос, чтобы перекрыть гомон:

— Господа, спрашиваете, откуда взялся этот цзяньяо? Само собой, из моря. С момента, как достали его из воды, прошло не больше пары часов. Даже сейчас, лежа в морской воде, он ещё жив — свежайший! А мясо внутри — с два кулака величиной, бахрома, что по краю, одну только вытянуть — уже хватит на полный котёл наваристого супа. Купите — не прогадаете.

После этих слов вокруг лавки стало ещё теснее — подошли новые любопытные.

— Ладно, — кто-то протиснулся вперёд, руки за спиной, — ты цену прямо скажи, сколько хочешь?

Чжун Мин глянул: перед ним стоял человек в тонкой хлопковой рубашке, на голове — простая повязка, какой любят носить управляющие в лавках. На поясе — кисет и мешочек с благовониями: явно кто-то от купеческого сословия.

Чжун Мин спокойно поднял руку, показав пять пальцев:

— Пять лян серебра.

Толпа тут же зашумела. Те, кто с виду вообще не могли себе этого позволить, не удержались — влезли с замечанием:

— Да ты загнул! Раковина эта — не бог весть что. Такие, что с ладонь размером, по три-пять вэней и идут. Ну а у тебя, поди, только и разницы, что величиной побольше — с чего такая цена, аж пять лян?

Торговец, что первым осведомился о цене, тоже недовольно сморщился:

— Пусть даже велик, а вкус всё тот же — кто станет за такую ерунду пять лян выкладывать?

— И не говори, — поддакнул кто-то из толпы, — парень и впрямь жадный.

Но Чжун Мин лишь усмехнулся — не сердясь, не оправдываясь:

— Такая раковина в своём племени, считай, предок пращуров. Если вы не заинтересованы, я с ней на Восточную улицу пройду, поинтересуюсь у других. Там, глядишь, и найдётся какой заезжий господин, что захочет такую раковину поставить у себя в доме — будет любоваться. Бывает, что и при деньгах человек, а вот такой диковинки — не достать.

Он с самого начала и не собирался сбывать эту раковину по весу, как обычную еду. Когда вещь достаточно крупная и достаточно редкая, ценят в ней уже не вкус, а её необычность.

Толпа, видя, что он и слушать не хочет о снижении, начала редеть — одни уходили, на их место подходили другие. Чжун Мин же стоял спокойно, никуда не торопясь. За это время он успел продать весь остальной улов.

Рыбу-свинью весом чуть больше четырёх цзинь он продал по восемнадцать вэней за цзинь — выручил семьдесят восемь вэней. Семь живых абалонов — пять крупных, почти с ладонь, ушли по пятнадцать вэней, два поменьше — по десять, всего девяносто пять. Пять крабов — все тяжёленькие, на вид одинаковые, он продал по двадцать вэней штука — итого сто вэней.

Выручив почти два с половиной цянтя серебра, можно было спокойно взять меру грубого риса. На сдачу в десять вэней он ещё и купил с рук пучок капусты и два кусочка тофу. Всякому, кто подходил узнать про раковину, он отвечал доброжелательно, но в цене был непреклонен — ни вэня не уступал.

Прошло ещё около получаса, как вдруг к нему впопыхах подбежал человек с видом управляющего в сопровождении двух молодых слуг. Завидев, что цзяньбао всё ещё на месте, тот с заметным облегчением выдохнул, подошёл без лишних слов и, не торгуясь, сразу спросил:

— Живая ещё? Наш господин велел обязательно выкупить!

<http://bllate.org/book/13583/1204985>